

В

олна массовых подписок на периодическую печать спала и откатилась в неведомые края: с неожиданно-негаданно нагрянувшей эпохой компьютеризации когда-то популярные газеты и журналы стремительно теряли тиражи. А потому большинство почтовых ящичков, массово гнездившихся в многоквартирных домах на лестничных площадках между первым и вторым этажами, нынче почти беспризорных, и вовсе не закрывались на замок. Если в железных ячейках что регулярно и заводилось, так это квитанции за коммунальные услуги. Расчетные ведомости городских жилищно-коммунальных хозяйств как чтиво особой популярностью у населения не пользовались, тем более платить по чужим счетам желающих, конечно же, не находилось. И хоть казенные бумаженции углами и краями нарочито-назойливо торчали напоказ всем жильцам и гостям подъезда, пригляду за собой не требовали.

И в этот день, возвращаясь с завода, токарь Михаил Ситников, белобрысый, обычного телосложения парень, без особого удовольствия достал квитанции из ящичка сорок три, точно указывающего номер квартиры, где он проживал вместе с матерью. За платежкой горводоканала,

беспрепятственно снабжаемого жильцов питьевой водой, спряталась еще одна бумажка. «Не иначе налог за воздух? У нас могут ввести. Дышать надо реже», — привычно нашел повод для иронии Ситников, достал, повертел в руках казенный бланк.

«Надо же, телеграмма! Вот это реликт, уже и стало забываться, что так раньше общались люди на расстоянии, давали скорые сообщения. Но то раньше, а сейчас-то какая нужда? Сотовый телефон всегда под рукой, звони, сколько хочешь!» — размышлял Михаил. Поднимаясь по лестнице на четвертый этаж, он не без интереса прочел содержимое послания: «Миша, приезжай. Будет свадьба. Гуляем». — «Во! Еще и зовут на невестому мне свадьбу! Шутка что ли, розыгрыш? А может, какого другого Мишу кличут? Ну, прямо скажем, имя не редкое и слуху привычное», — Ситников посмотрел на почтовый бланк, адрес указан правильно, штемпель на месте, и дата проставлена.

Михаил, пусть на производстве не числился в самых передовых, глаза руководству не мозолил, тельник на груди не рвал (отслужил в морфлоте), чужих заслуг себе не приписывал, но и не был затерт, не в последних рядах, руки-ноги на месте, соображалистый, мог «забацать» на станке деталь — другим и не снилось, с коллегами ладил. Сегодняшнее социальное положение и устройство быта Ситникова вполне устраивало, о чем он, не рисуясь, говорил товарищам: «Все путем». Связывать себя семейными узами брака молодой рабочий не спешил, все откладывал, в связи с чем испытывал постоянный «пресс» со стороны матери, Прасковьи Андреевны, уже пять годков как заслуженной пенсионерки, мечтающей познакомиться с внуками.

— Мам, телеграмма, пришла! — сразу с порога, на всю квартиру, извещил пролетарий родительницу.

— Откуда? — нисколько не удивляясь, отозвалась Прасковья Андреевна.

— «Тишкин А.А. Амурская область. Титюлька», — громогласно прочитал Михаил, снисходительно скривив губы на последнем слове, и сделал вывод, не изменяя своему сложившемуся со временем насмешливо-ироническому отношению к хаотичному круговороту объектов и предметов в окружающем мире, и к себе в том числе: — Титюлька меня какой-то на свадьбу зовет.

— Дядька это твой, дядя Саша! Тишкин Александр Андреевич. Надо же, подал весточку! А Титюлька — деревня такая, — выйдя из кухни, не обращая внимания на сыновнюю язвительность, пояснила мать. Она с явной радостью взяла телеграмму, долго ее рассматривала, перечитывала, словно рассчитывала между строк рассмотреть лицо родственника, отправившего послание, или хотя бы край загадочной титюлькинской земли.

— Так ты ему писала? — уточнил великовозрастный отрок.

— Писала, как же. Да уже полгода как. Про нашу жизнь, про наше времечко... — Прасковья Андреевна тяжело вздохнула.

— А что он не позвонил? Чего телеграммой-то? Ну, хотя бы тоже письмо написал, — поинтересовался сын.

— У них там и телефона, поди, до сих пор нет. А писарь дядька, сколько помню, неважнецкий был. Ему и по тем годам было легче луг выкосить иль дров телегу переколоть, чем за листок с ручкой сесть.

— Неграмотный, что ли?

— Ну, почему неграмотный? Просто не любитель всякой писанины. Вот, видно, по старинке с оказией телеграмму-то и отправил.

Михаил ужинал, прокручивал в голове свои ближайшие планы и вполуха слушал, как родительница ударилась в воспоминания.

— Титюлька, — вслух, нежно и ласково, словно любимое дитя, называла Прасковья Андреевна далекую деревню. — Наши прадеды там еще обосновались. В молодости-то я там часто гостила у тетки. Старая казачья деревня, далеко от центра. Обескровилась еще в гражданскую. Сколько ни крепкий был орешек, да раскололся на две половинки. Казаки, что белое движение поддерживали, ушли в Маньчжурию, да и тем, кто сторону красных принял, несладко пришлось: кто в боях полег, кто по лагерям — не было доверия у новой власти к казакам... Потом вроде воспрянула Титюлька, колхоз большущий был, да в Отечественную мужики почти все полегли на фронтах, от пуль не прятались, по окопам не сидели — казачья кровь. С тех пор и не поднималась деревенька. Молодежь-то все в город норовила... Я уже думала и нет деревни, по старому адресу написала, наобум... Видишь, значит, живут люди... Туда раньше только на лошадях, а потом на грузовике можно было добраться — дорога никудышна была. Хотя ныне, может, что и поменялось, не знаю...

— Ы-ы-ы... понятно, понятно, — невнятно мычал сын во время родительских воспоминаний, еще не дожидаясь последнего кусочка и не дослушав мать, занятый своими мыслями, отправился в комнату. О своих казачьих предках Михаил знал, но очень поверхностно. Над материнной кроватью, на стене, висела фотография: дед в форме казачьего урядника сидел на стуле. Рядом, положив ему руку на плечо, стояла бабка. Молодые, конечно, еще. На фотографии и год был не указан, но, судя по всему, дореволюционное фото. Он свыкся с фотографией, как с какой-то частью интерьера. Мать, бывало, заводила разговоры «про времечко былое», но сын особо в них не вникал: «Ну, были предки. Ну, казаки. Ну, так и что с того...»

— Миша, что решил-то? — через пару дней завела старая Прасковья разговор.

— Мама, ты про что? — запомнил сын.

— Ну как же, телеграмма была. Звали же тебя.

— А, ты про эту, про Титюльку, — все-таки запомнил Ситников название населенного пункта. — Ну что мне на этой свадьбе делать? Отделаемся поздравлением, и хватит с нас. Да я этого дядьку и не помню вовсе. У них там, может, раз в сто лет свадьба, а потому праздник. Ну, а я там с какого перепугу, с какой радости? Мне-то что до этой свадьбы?

— Ты съезди, сынок! Родственники все-таки мы. Живем бирюками, ни с кем не знаем. Что же мы за люди такие... — начала причитать Прасковья Андреевна, готовясь вот-вот заплакать.

— Да что я в этой деревне не видал, — заартачился было Михаил, но, заметив, как насупилась-заобиделась мать, надеясь, что со временем эти «титюлькинские зазывалки» не так резко будут отзываться в родительской памяти, дипломатично, на ходу придумал отговорку. — Дай чуток подумать, работа же — ее не бросишь, туда-сюда — дел невпроворот...

Но с женским напором и «коварством» не совладать. Уж если что втемяшилось «слабой половине человечества» в голову, и с одного боку и с другого зайдут, не мытьем, так катаньем, пристальными, со значением, взглядами, оханьем и аханьем, воспоминаниями так прижгут, так зазаносят своей «болячкой», что сам начнешь вспоминать о ней к месту и не к месту. И уже через неделю «психологической атаки» Прасковья Андреевна дождала сына окончательно:

— Миша, сроки-то небось уже поджимают. Ты уважь просьбу-то дядь-

кину и мою тоже. — А заметив его неопределенность, что он на перепутье, замежевался, тут же насела квочкой: — Езжай, езжай, сынок. Родовое гнездо. Может, и себе невесту присмотришь...

Время «далекой» свадьбы совпало с началом очередного отпуска Михаила и он в итоге решил: «Ладно, потрачу несколько деньков — продаю родню».

До районного центра Амурской области доехал без проблем. А вот дальше, если бы не «волшебный» клубок, каким вооружила его мать, обрисовав путь-дорогу и указав старые «затесы»-ориентиры, еще вопрос, нашел бы он эту Титюльку вообще?

На районном автовокзале молодежные кассирши лишь стреляли глазами да кокетливо поджимали губки, но точной информации дать не смогли, и только преклонного возраста диспетчер поделилась нужными сведениями:

— Нету туда никакого транспорта. Пара десятков «сумасшедших» в Титюлке еще, может, и живут, — сообщила она Михаилу. — Раз в неделю почту и продукты в деревню завозят, а люди добираются, кто как придется. Но если есть нужда туда попасть, бери билет на Спиридоновку, а по дороге попросишь водителя, чтобы остановил при повороте на Титюлку — местные там знают. Ну и ставь себе шире шаг, глядишь, и найдешь, если косолапый по дороге не сцапает...

После нескольких часов бесцельного шараханья по райцентру, Михаил наконец загрузился в автобус до Спиридоновки...

— Сколько здесь до села топать? — на выходе из салона «пазика» спросил он у водителя.

— Чего не знаю — того не скажу. Бывало, просились в Титюлку, высаживал, прямо на этом вот месте, а сам там ни разу не бывал. Других дорог здесь нет, — не смог точно назвать расстояние до села и профессиональный водитель.

Проселочная дорога, уходившая в лес за приметной высокой елью, приняла одинокого путника. Километра через два пути Михаил услышал урчание догоняющей его машины. «Уазик» без номеров, подпрыгивая на буграх и объезжая рытвины, сровнялся с пешеходом.

— Ты куда, паря, навострился? В какие такие далекие края? За счастьем ли, за удачей? — высунувшись из окна автомобиля, весело спросил водитель.

— За счастьем, за ним, родимым! Иду-свищу, Титюлку найти хочу! — в тон ему ответил Михаил.

— Тогда нам по пути! Садись в «козлик»! Он нас мигом домчит, — предложил владелец транспорта...

— Ну, давай знакомиться, племяш... — Задав еще пару вопросов, протянул ему руку водитель «уазика», когда это стало возможно на коротком отрезке ухабистой и кочкастой дороги.

— Давайте, с удивлением протянул руку Михаил и, запоздало прозревая, спросил: — Дядька, что ли? Александр Андреевич?

— Он самый, — согласился водитель. — А я тебя сразу признал! Вылитый батька по молодости.

— Ну и глухомань тут у вас, дядя Саша. И дорога — слово только одно! — уже более доверительно и расслабленно заметил горожанин.

— А как ты хотел, Миша? За счастьем ровной дороги еще никто не проложил! — продолжал шутить дядя. — Живем мы здесь на отшибе, да не шибко жалуемся. Сами с усами. Нас не трогают, и мы никого!

счет есть много версий. Какая из них верная, а может, и все вместе, правда, не знаю. Слухай первую...

— Деревня наша названа, как и эта самая речка, — дядька плюхнул слегка ладошками по поверхности омутка. — От нее название прилепилось-приклеилось. По весеннему половодью и осенней хляби разливается Титюлька — будь здоров. Рыбалка, какая хочешь: караси, язи, а щучары такие, что не приведи Господь.

Михаил, уже и сам покоренный красотой здешних мест, сейчас держал в пригоршнях титюлькинскую водицу, словно сверял дядькины слова с ее зеркальным отражением. Но при упоминании «о щучарах» выплеснул воду и опасно покосился на омуток.

Не замечая реакции племянника, дядька увлеченно продолжал рассказывать:

— Но вот посередеь лета так иссыхает речка, что есть места — можно перескочить, не замочив ноги. Отсюда и название: небольшая, или титюличка, — для убедительности демонстрируя размер, равный одноименным названиям речки и деревни, дядька развел и свел пространство между большим и указательным пальцем своей правой руки. — Деревню зачинали в этот самый засушливый срок, потому речке и деревне дали такое название...

Намывшись, размягшись, полной грудью жадно вбирая в себя смолянистый с медовым привкусом воздух, неспешно поднялись родичи на пригоршок, в дядькину избу, со сторожем-петухом на охлушне, готовым вот-вот загорланить во всю округу, с распахнутыми ставнями, с резными наличниками, с окошками-гляделками, весело перемигивающимися с титюлькиными омутками.

— У вас тут деревушка всего ничего. Откуда невеста взялась? — за третьей чашкой чая из пузатого, сверкающего медью самовара начал издалека Михаил.

— Невеста здесь самая лучшая! Нигде такой не найти! — с пафосом заявил дядька.

— А жених кто? Тоже из местных? — полюбопытствовал племянник.

— Нет, приезжий, но тоже парень не промах! — уточнил старший родич.

— А меня вроде для массовости как гармониста или тамаду позвали? — примеривался к своим пажеским регалиям Ситников.

— Если гармошкой владеешь, почему не сыграть, а так у тебя самая главная роль! — продолжал торжествовать Александр Андреевич.

— Какая, это интересно? — опешил племянник.

— Так ты же вроде и жених, — швыркнув из блюдца горячего чаю, теперь уже напрямик сказал дядька.

— Какой я жених? Ты чего, дядя Саша? — попытался взглядеться Михаил в лицо родича, чтобы «гоготнуть» случай чего, поддержать шутку.

Однако Александр Андреевич, напротив ожидания, был серьезен. Откусив шанежку и запив ее очередной порцией чая, он и сам спросил:

— Погодь-погодь. Мать писала, что ты холост?

— Ну, холост. Так что из этого? — недоумевал племянник.

— Значит, жених! — утвердительно и бескомпромиссно заявил крестный.

— А, так вот в чем дело. Тут целый заговор. Без меня — меня женили! — засмеялся неуверенно Михаил и осекся, не зная, как реагировать на последние умозаключения родственника, затеять ли бунт или отнекаться от неожиданного предложения...

— Мать плохого не посветует! Ну, а коли ты жених, невесту тебе по-дыщем. Вернее, уже есть невеста! — продолжал гнуть свою линию селянин.

— Да какая невеста? Я и в глаза ее не видел. Ты чего, дядя Саша? — не собираясь так запросто сдаваться, подал голос супротив Михаил.

— Придет время, увидишь — будь спокоен. Ты не торопись, да ко времени поспевай. Смотришь, только-только цветок, а через денек-другой и завязь. У нас все по закону. На завтра смотрины назначены...

Сон как-то не шел.

«Вот принесло же. Заманили. И где они эту невесту прячут. Тут-то домов раз-два и обчелся. И мать тоже хороша. Рванул бы из этой деревни до трассы, а там на попутках. Но не ночью же, и это сколько же надо плестись? Можно и на местной лошади, их тут позарез, но как-то не освоил азы верховой езды... — размышлял Михаил о возможности побега, но никак не находил план для его реализации. И все-таки брал верх интерес. — Что за невеста? Может, красавица, а может... русалка... или колдунья... глазком глянуть, авось не заколдует... и в самом деле принцесса... титюлькинская...» — уже в полудреме заплетались мысли гостя.

Местные петухи — еще те крикуны: поутру устроили привычное певческое соревнование. В их музыкальные дуэли постепенно вмешивалась другая живность: в предвкушении скорого купания довольно шумели гуся, подавали голоса буренки и козы, млея от запаха разнотравья, направляясь к выпасам за новыми порциями молока... Деревня просыпалась.

— Слухай вторую версию про нашу Титюльку, — отзавтракав, поднял руку вверх, как бы призывая в свидетели небеса, высокопарно произнес дядька. — Сакральную! Это только своим, проверенным людям можно! — Александр Андреевич сделал необходимую паузу и продолжил: — Опять же название нашей деревушки идет от речки, но с другой закавыкой. Речка около деревни петлю делает — можешь сам проверить. И эта самая петля по форме так вылитая женская грудь, ну или по-простому — титька. А если нежно и ласково называть, то получается титюлька. И деревня так расположена, что вроде припала к природной кормилице у самого ее соска и в вечных у нее молочных детях. А что, если рассудить, то не только географически, но и на самом деле так оно и выходит. Ведь все же у нас есть — бери, что душе угодно. Рыба, только не ленись — лови, ягода на выбор — какая хочешь, земляца славная — урожай полуторный против любого самого жирного чернозема дает, и деревня закрыта от всех ветров. Живем, как у Христа за пазухой. Место наше дивное, его хоть целиком в музей пихай. Рай, одним словом! Да какой там — лучше! Вон, гляди сам, — он широко махнул вокруг головы рукой...

Дядька все водил вокруг да около словесами, а вчерашнего разговора про свадьбу не продолжал, да и Анфиса Сергеевна куда-то запропастилась.

— Как хоть звать невесту? — сам спросилса племянник.

— Ева, — и глазом не моргнув, ответил дядя.

— Только я же не Адам, — попытался шутить Ситников.

— Это мы ее так промеж собой зовем. Раз места у нас здесь райские, а она первая красавица в этом раю, то получается, что Ева. Но, а если по паспорту — родители ее Екатериной нарекли...

Александр Андреевич оказался большим любителем поговорить о былом, заглянуть в будущее...

Вернулась хозяйка, незаметно для гостя кивнула головой супругу, а вслух сказала:

— Мужики, все сиднем сидите, ляды точите, вы бы сходили на титюлькинский колодец. — Уже обращаясь к Михаилу, Анфиса Сергеевна пояснила: — У нас, конечно, и свою колонку Андреич установил, но в сельском совсем иная водица — слаще ее нет. Чай пить из нее одно удовольствие — варенья не надо.

— Да, там из-под земли родник бьет. Предки знали, где колодцы ставить, — подтвердил дядька слова супруги и сразу засуетился, засобирился: — Раз надо, значит, надо. Какой разговор. Пойдем, Миша.

У колодца Александр Андреевич, наоборот, замешкался, как будто чего-то ждал, даже нарочно, показалось Михаилу, опрокинул уже наполненное ведро.

К колодцу подошла белокурая улыбчивая селянка. Девушка как девушка, в простеньком сарафане — ничего примечательного гость в ней не приметил.

— Здравствуйте, Александр Андреевич! — поздоровалась она, при этом с интересом бросая взгляды на Михаила.

— Здравствуй, Екатерина! — ответил дядька. Александр Андреевич перехватил ведро девушки, сунул его Ситникову: «набирай, мол», и, пока племянник наполнял емкость, успел расспросить у девушки про здоровье родителей, для поддержки разговора ли, действительно ли его это интересовало, узнал рецепт засолки огурцов.

— Мог бы и подсобить с ведром-то. Невеста все же! — слегка подтолкнул Михаила в спину дядька, когда Екатерина направилась домой. Ситникова только теперь осенило, он напротив, занемел, словно паралитик, глядя вслед удаляющейся девушке... Михаил и сам точно не представлял себе образ невесты, может, действительно не созрел для семейной жизни, а потому скорее был настроен даже в признанной «королеве красоты» найти изъян. Вот и сейчас Екатерина показалась ему полноватой.

— Ну, что я тебе говорил! — принимая ступор племянника как реакцию на неотразимые чары титюлькинской красавицы, сказал дядька.

— Да она же во, Матрена Ивановна, — разочаровывая родственника, Михаил развел руками, явно преувеличивая объемы фигуры девушки.

— Это ты зря! Во-первых, не Матрена Ивановна, а Екатерина, — недовольно поправил дядька. — Во-вторых! Вы все, недотепы, худышек ищите и на рожу смазливых, для утехи, для забавы. Да что толку. Семьи все непрочные. Ты для жизни по душе, по норову выбирай. И чем тебе невеста не глянулась? Все при ней. Раньше-то невест отец с матерью подбирали. А нынче без родительского пригляду, ишь еще и скороспелки развелись.

— Так с ней же еще и жить надо! Не-не, извините, я не рассматривал такие кандидатуры, — завозмущался Михаил.

— А ты рассмотри! С женой жить — не с лица воду пить, — вразумлял крестный.

— Ты не гоношись. Я тут покумекал. Ее метрики посмотрел, твои метрики. Все срастается.

Во дворе собственного дома дядька настырно принялся ратовать за скорую свадьбу:

— Так и совсем не приглянулась?

— Что-то, конечно, в ней есть, — больше для того чтобы не обидеть родственника отозвался Михаил.

— Ну, вот видишь! — уцепился дядька и слегка насторожился. — А может, ты кому слово дал? Ждет тебя где зазноба?

— Никто меня не ждет.

— Ну, так в чем же дело стало? Чего ломаться-то? Нет горя — молись, нет долгов — женись! А тут, считай, тебя дожидалась: и хозяйка, и повариха, и рукодельница. Вон Иванушка, тот и в лягушке царевну не рассмотрел. А я тебе настоящую красавицу предлагаю. Глядишь, дюжину здоровеньких детишек нарожаете! Казачков! — хлопнул рукой по плечу племянника дядька.

— Да какая царевна? Какие дети?!

— Ну, это как Бог даст, — не стал ввязываться в спор дядька.

— Дядя Саша, вам в политику надо подаваться! Ну, вы и оратор! Вы что же, меня с потрохами продали?! Я уже завтра до дому. Извините, у меня там тоже дела...

— Дурень ты, племяш. Я тебя в рай зову, а ты упрямисься, ногами и руками уперся. Пойдем в избу, чего тут хаживать, поговорим по душам.

Дома дядька достал из затайки бутылку с мутноватой, домашнего приготовления горилкой...

— Слухай третью версию про нашу Титюльку. Взаправдашнюю! — когда содержимое емкости заметно поубавилась, заговорил доверительно Александр Андреевич. — Наши казаки-то, прадеды-то, и сейчас сражаются, вот прямо тут, над нами... И битва идет — не на жизнь, а на смерть.

— Да ну, вы скажете тоже, — недоверчиво отнесся к новой версии Ситников.

— Опять что-то придумали, дядя Саша?

— Точно тебе говорю!

— Опять гражданская война, что ли?

— Да какая гражданская?! Слухай, не перебивай. Все как один казаки в одном строю, в одной войске. Ведут бой... за нас с тобой воюют! Тяжелое сражение, без сна и отдыха. И то в одну, то в другую сторону перевес.

— Чего-то я ничего не пойму, дядя Саша, куда вы клоните, — заметил Михаил.

— Ты думаешь, дядька перебрал, дядька брешет? Нет, я свою норму знаю. — Александр Андреевич налил себе рюмаха до краев, выпил, крикнул и, не закусывая, продолжил рассказ:

— Пытаясь уничтожить Россию, бьют враги в самое сердце, надеются извести-испелить деревни. В стародавние времена многоглавые горынычи налетали из-за гор, поднимались из подземных миров Вий и вурдалаки... Выжигали, морили, но выстояли деревушки, устояла и Русь. И поняв, что не взять нас в прямом бою, изловчились свои истинные намерения супостаты прятать под лживой личиной. Приходят, сладко суля и обещая перспективу, то под знамена коллективизации и демократизации позовут, а то чумовую печать неперспективности поставят. Пообещала родимая сторона, но укоренившаяся избами, рубленными с любовью и молитвой, из последних сил крепится, но стоит... Порой тяжело приходится. Нет вроде никаких сил. И враг уже празднует победу. Ай нет, всегда немножечко, вот титюлечки, но не хватает варнакам силы, чтобы нас одолеть! В самый трудный час сверкнет шашкой новый казак и встанет в строй. Вот отсюда и название нашей деревни. Может, она и есть пуп земли! Может, на ней вся Россия держится! Так что впрягайся, казак. Мы

с тобой оплот... Мы с тобой стеной встанем! Нам в сторону нельзя, ни-ни... Да мы им... — дядька погрозил кулаком и припал головой на локоток, как-то враз из бойкого, крепкого казака превратившись в уже уставшего мужичка.

Михаил хотел спровадить Александра Андреевича на кровать, но тот встрепенулся, заартачился:

— Куда?! Пошли в деревню!..

У колодца, по-видимому, заменяющего в Титюльке место площадей и собраний, собралось на вечерку десятка полтора местных жителей: судачили за жизнь женщины, цедили сигарки мужики, невпопад брэнчал на балалайке дедок.

— Племянник из города приехал! — дядька знакомил с селянами Михаила.

Волей-неволей отказать — обидеть, пришлось принимать с мужиками за знакомство...

В голове гудело и бузило, он отвечал, но больше невпопад, на вопросы.

Селяне, что постарше, постепенно разбрелись по домам. Несколько девушек, побойчее, затеяли петь частушки, при этом приплясывая. Екатерина стояла в сторонке и переговаривалась о чем-то с подружкой.

Михаила стало задевать, что она даже не смотрит в его сторону. Тут, видите ли, недавно, «в женихах ходил», а сейчас даже не знакомся. Он хмыкнул в кулак, взлохматил пятерней чуб и, раскачивая плечами, рубаха-парнем подошел к девушке. Надо было с чего-то начинать разговор, но нужные слова куда-то все улетучились.

— А что я — не казак?! — наконец нашелся парень.

— Казак, Мишенька, казак, — тихим, стеснительным и удивительным певучим голосом согласилась Екатерина.

— Да, я — казак! Да я знаешь, что могу? Я все могу! — расхвастался он. Не зная, что и предпринять, Михаил рванул ворот на рубахе, так что отпрыгнула от нее, будто неродная, пуговица, постоял пяток секунд, ковырнул носком штиблета землю, потом перевалился с носка на пятку, взял, подсел-подпрыгнул, развернулся, как ему казалось, лихо и ловко, и пошло-поехало. Еще минуту назад и не помышляя «хороводить», запустил себя в пляс Михаил и уже не мог остановиться: заломив руки за голову прошелся широким шагом — грудь колесом — вокруг колодца; затем вприсядку, выбрасывая коленца — знай наших; тут же изменил положение тела и, опираясь, перебирая и прихлопывая руками, выдал кульбит: словно резвый жеребенок, вздыгивал ногами... чего не выделявал... выламывал такие кренделя, что только держись... Вряд ли он смог потрезвому все повторить, да и затушеввался бы, а сейчас все шло само собой. Он то и дело хотел схватить Екатерину, чтобы зазвать на танец, но та увертывалась.

— Да, мы казаки! Мы все можем! У нас шашки, у нас кони... Эй, станца, казаки гуляют, у-у-ух... у-у-ух, — рубил воздух поочередно то правой, то левой рукой Михаил под брэнчание титюлькинской балалайки.

— Все, пойдем со мной, Катя! Не отпущу! — танцору наконец удалось поймать девушку.

— Нельзя. Что люди подумают. Пусти, Миша, — говорила Екатерина.

— Пошли к дядьке, — настойчиво тянул он девушку за собой. — Он все законы знает, он благословит... и потом, казаки мы или нет?! ...казаки...

...Смакали казаки, и бой шел нескончаемый — вчерашний хмель бесился-выходил на прощание, выбивая тяжелую кавалерийскую дробь в голову. Кто-то рядом вздохнул, скрипнула половица и щекотнуло пятку сквознячком от двери. Михаил повернулся лицом к окну. За окошком мелькнул пестрый сарафан. Может, померещилось, показалось...

Дядькин незарегистрированный «уазик», собранный для хозяйственных нужд из брошенных запчастей, доставил его до большака — Спиридоновской дороги.

— Ох, уж эти новые нравы. Молодежь, молодозелено... — дожидаясь автобуса, говорил дядька. Был Александр Андреевич грустнее обычного и все пытался заглянуть в глаза племянника. На прощание долго тряс обмякшую руку Михаила, не отпускал, но так, видно, и не добившись желательного результата и нужных слов, напутствовал: — Ладно, коли так уж. Матушке от меня низко в ноги кланяйся.

Михаил согласно кивал головой, все отводил взгляд в сторону, сторел бы от стыда, провалился бы под землю, вот накуролесил-набедокурил, пошмище на всю деревню, скорее, куда бы подальше от этой Титюльки...

— Ты не горюй, все путем! Бывай, казак! — последнее, что крикнул ему в открытое окно отходящего «пазика» дядька. Из автобуса Михаилу показалась, что в придорожной рощице мелькнула знакомая девичья фигура. Он сначала отпрянул от окна, а потом спохватился, прильнул к стеклу, пытаясь отыскать Екатерину, но увы... разнаряженные, в белых ситцевых платьях, на прощанье махали ему зелеными платками только стройные березки.

Дома Ситников как-то быстро влился в привычную обстановку, но на третий день вдруг ни с того ни с сего пришла ностальгия по Титюлке и грустные мысли: «Действительно, в городе все индивидуальное как-то быстро стирается, становится стереотипным, человек со своими взглядами и идеями здесь легко теряется, подражает, равняется на других, усредняется...» Михаил искал и не находил таких девушек, как Екатерина, ни по фигуре, ни по стати, ни по лицу...

Сначала хотел привычно набрать послание на мониторе, потом решил, что печатный текст — это как-то по-казенному, взял ручку и неожиданно для себя неровным, корявым почерком сочинил большое, на семь страниц, письмо, где в подробностях рассказал о жизни и как бы в шутку, а на самом деле опасаясь, что все произошедшее с ним в Титюлке лишь пригрезилось-примерещилось, лишь розыгрыш, спрашивал: «Дядя Саша, как вы там поживаете, в раю-то? Играете ли свадьбы? Село-то погибает...»

Через пару недель в почтовый ящик упало ответное письмецо из Титюльки. Дядька был немногословен и прямолинеен:

«Свадьбу будем играть на Покров. Понятное дело. Управимся с урожаем. Порося подрастет. С первым снежком, с ним родимым. Снежок землю покроет. А ты, значит, с невестушкой. Дела житейские. Готовься, казак».

МОРСКОЙ БРИЗ, ИЛИ ВЕРКИНА ЛЮБОВЬ

Только в обихоженных столицах, в городах «с пальмами и баобабами», накрахмаленными воротничками и душегубками-галстуками, бумажки с синюшными печатями и размашистыми вензелями в большой цене. Только там и действуют сумасбродные законы, которые всякий по-своему читает и трактует. На северок же другие правила — взаправ-

дашние, без оговорок и запятых, с одними утвердительными точками. Они вроде тоже черным по белому начертаны, но не на придуманной в высоких кабинетах бумаге, которая все стерпит, а резными скалистыми хребтами по заснеженным равнинам уверенно значатся. Их не сдвинуть, не убрать, не обойти — с ними считаться нужно.

Северные порядки временем продиктованы, выстужены, выхолощены и зарубками по человеческим судьбам прописаны. Позеры и бахвалы в суровых краях только проездом — только случайно. Тут спесь и браваду перетирают в соль морские волны, а лишние слова идут на корм чайкам. Показушным праведникам на северах полное неудобство, им корни в вечной мерзлоте пускать негде. Здесь рубль нынче не длинный, не легкий, не дармовой — его в неустанных заботах копытить надо. Тут сразу видно, чего ты стоишь. Здесь что ни человек, то характер!

А потому, кто смог, кто остался в высоких не тронутых червоточной широтах, научился редкое тепло по крупичкам, по крохам собирать, ценить его, беречь, не растрчивать понапрасну и постоянно держать сразу за грудиной не всем заметной, но никогда не гаснущей лучиной.

Здесь мало чего можно и много чего нельзя. Нельзя нарезать дурака, жлобиться-скупердяйничать, быть занудой — трезвенником-язвенником. Нельзя не употреблять крепких выражений для самозавода и точного обозначения непреходящих истин. Нельзя не ловить на пропитание всякую разную, какую хочешь, рыбу, и не слыть неисправимым браконьером.

Есть, конечно, места покуче-посуровее, чем на границе Амура и Охотского моря, но и тут жизнь не сахар: море ото льдов очищается только к июлю, а в сентябре морозы строго по расписанию. Страшилки телевизионщиков про стихии — про метели, про непогоды здесь кажутся мультяшками и комиксами о подлинных природных аномалиях.

Нынче уже к декабрю почти сплошняком одноэтажный полузаброшенный рыбацкий поселок укутало плотными снегами. Лишь кое-где маячили фронтоны крыш, напоминающие сейчас джонки и однотрубные дымящие пароходы, попавшие в ледовый плен бескрайнего арктического моря. Люди, похоже, всерьез принявшиеся подражать полярным куропаткам и переняв их привычки, изредка выныривали откуда-то из-под сугробов, перепархивали напрямки через утопленные в белом океане ограды и заборы и снова пропадали в толще снегов.

Алексей Мозгляков не гнал вперед паровоза, вынужденно, пока крутила-мутузила непогодь, объявил для артели передышку в рыбацких делах, сам отсиживался в приобретенном за бесценок несколько лет назад, но прочном, сложенном из листвяка небольшом доме. Не стал Алексей мослать неподъемные снега вокруг своего убежища: напрасная трата времени — даже без метели перекроет траншею ближайшей же поземкой. Да вдобавок так теплее — меньше доставали домишко промозглые морские ветры. Когда наметилось затишье, Мозгляков откопал край поленницы, благоразумно уложенной впритык к стене строения, занес в помещение про запас дровишек. Алексей ожидал: скоро должна была прийти Верка, нужно было создать мало-мальский комфорт.

Когда-то в студенческие годы неплохо зарекомендовавший себя в восточных видах единоборств, входивший в сборную команду института, обладатель крепкого от природы, вдобавок накачанного в спортзалах телосложения, крупной лобастой коротко стриженной головы и прямого, несколько нагловатого, с вызовом, взгляда, Алексей Мозгляков не впервой на всю зимовку приезжал в этот небольшой поселок из Владивосто-

ка. Без дураков, самоуверенно, Мозгляков считал, что в этом медвежьем углу он, ни много ни мало, бросает вызов Северу, во всяком случае, противостоит ему на равных, сам рисует сюжет своей жизни.

Но все-таки, кроме романтически-авантюрных настроений, присутствовал у Мозглякова и конкретный коммерческий интерес, подвинувший обитателя развитого портового города на добровольный отказ от привычных цивилизованных благ.

По окончании института, не помышляя перебиваться с копейки на копейку, ни дня не поработав по полученной специальности учителя физкультуры, Мозгляков крутанул колесо фортуны — подался в коммерцию. И это мало предсказуемое капризное вертило со скрипом, шатко-валко, но все-таки взяло разбег в его пользу. Обнаружив нужные на новом прищипе таланты, несостоявшийся физкультурник вклинился в бизнес-структуру, не был там затерт, выдвинут на ливер, на вторсырье, видно, глянулся кому-то из рулевых, сделавших на него ставку, как на породистую резвую лошадку. Фирма, в которой непосредственно усердствовал выпускник вуза, с размахом действовала в сфере скупки и перепродажи морепродуктов, не брезговала сомнительными операциями с явно криминальным душком. Около года к новоиспеченному спецу присматривались, принаравливались, а когда у «рыбной отрасли» возникла необходимость вклинить своего человечка в сферу добычи краснокнижных рыб осетровых пород — выбор пал на крепкого и хваткого парня.

«Почему бы не испробовать себя в новом деле гоним-другой, для антуражу, для задору, заодно и срубить деньгу», — не пренебрег неожиданным доверием Мозгляков, рассчитывая в дальнейшем на солидные карьерные перспективы.

Собирался на время, а вот зацепил север. Шестой год кряду, как приговоренный, хотя была и замена, Алексей осенью паковал вещички и наперекор полету птичьих стай подавался в суровый край. А ведь высвечивались и другие перспективы. Уже заработан был на денежной рыбе, на черной икре капиталец, вложен в «небольшой» двухэтажный коттедж в престижном пригороде Владивостока, зарезервировано место заместителя директора «рыбной» фирмы по коммерческим вопросам, схоронена в ячейке банка — кубышка на крайний случай — на раскрутку самостоятельного бизнеса.

Уже не единожды копался в себе Мозгляков: «Зачем устраиваю ненужные испытания? Разве тягаться северу с южным Приморьем по условиям жизни? Неужели боюсь испепелить ярким солнцем в себе нечто важное, расстанься я с Охотоморьем навсегда? Пора завязывать...»

Но здравые рассуждения — одно, а север словно гипнотизировал человека. Не раз оставаясь в одиночестве, Мозгляков подолгу разглядывал здешние, мало тронутые цивилизацией просторы: то еще не застывшее, своенравное море, то уже бескрайнюю всеильную белую пустыню. Звал-манил Север, восхищал: свободолобием и гордостью, мощью и властью... Вот и сегодня, пока добирался до поленицы, непроизвольно отвлекся от житейских забот, вперился в снежную дымчатую даль и застыл, разглядывая вроде однообразную картину — белое на белом, но пытаюсь рассмотреть там другой мир, другую силу, понять их значение и смысл...

Вернулся к реалиям, тряхнул головой, чтобы отрезвить разум, прогнать наваждение.

Вопреки ожиданиям, первым нагрянул Толян Дудкин — помощник из местных. Прежде чем выпросить задаток на «важное дело», развел

Дудкин канитель-клоунаду, изображая из себя рачительного и заботливого работника:

— Пора проверять оханы! Давно пора. Калужины — они заразы такие — встречаются весьма таранистые. Попадет какая громала — перекрутит поизмахратит сети! По прошлому году у местных мужиков не один охан приказал долго жить... — Толян вздыхал, охал, без меры драматизируя сложившуюся ситуацию.

Раскусив этот нехитрый заход-вираж Дудкина — тонкий намек на толстые обстоятельства — Мозгляков не стал сразу гасить «души высокие порывы» визитера, взял паузу, но в итоге все-таки авансировав гостя «на неотложные нужды» и предупредив, чтобы на завтрашнее утро был трезв (имелся такой грешок за артельщиком, водил он дружбу с зеленым змием), выпроводил восвояси. Не стал задерживать хозяин жилища Дудкина и по другой причине: не хотел, чтобы пересекался Толян с Веркой. Замечал не раз Мозгляков, как в присутствии девушки развивается у Толяна косоглазие и впадает он в ступор. Хоть и не видел Алексей перспектив своим отношениям с Веркой, но и конкурентов отшивал: сам не ам и другим не дам.

— Не-не, мне на дело нужно! С долгами рассчитаться. Что я не понимаю, что ли? Все будет на мази. Не переживай, командир! — клятвенно заверив рыбного бизнесмена в собственной непогрешимости, Толян отчалил разгребать накопившиеся ворохи и кучи собственных проблем...

А вот и Вера! Верка-ветерок, стремительная, заводная, с мороза розовощекая, звонкая, как лесной ручеек, наполнила холостяцкое жилище счастливым говором. Девушка болтала и болтала без умолку, без остановки.

Наверное, из-за неугомонности и непоседливости девушки, а может, из-за собственного неумения выработать подлинное уважение к слабому полу, Мозгляков чаще обращался к партнерше как-то несерьезно: «Верка». А девушка не замечала незрелости его чувств, не обижалась. Вере думалось-верилось, что она дождалась своего единственного-судьбоносного. Вера поверила в свое женское счастье.

Вот и сейчас шутила:

— Спишь, медведь?! Запустил берлогу, и прибраться некому...

С порога гостя принялась наводить порядок, загремела посудой...

— Присядь, Верка, — попытался хозяин жилища остановить девушку. — Куда так разогналась?

— Знаю я эти посиделки, чем они заканчиваются! — высказывала гостя показное неудовольствие, между тем бросая на Алексея обжигающие взгляды. — Подожди. У тебя тут бедлам. И когда ты вещи на место будешь складывать? Опять все шиворот-навыворот... Да ты и не брит! Я с ежиками-колючками ни за что рядом сидеть не буду.

— Ну вот, то медведь, то ежик! — переключился на шутливо-ироничную волну и ухажер...

Мозгляков не был окончательно скуп, отстегивал от богатого рыбного бизнеса небольшой куш. Свою вторую зарплату Вера не спешила транжирить, откладывала деньги на потом, планировала потратить их на обустройство хозяйства, на устройство быта, на те времена, когда они заживут настоящей семьей с Алексеем. Заботясь же о любимом человеке, прикупала ему то теплые носки, то шарф, то байковую рубашку...

Алексей пощелкал пультом, переключая каналы телевизора, но терпению не хватило, живые картинки были интереснее. Мозгляков выбрал момент, незаметно подошел к девушке со спины и обхватил ее руками:

— Ага, попалась! Р-р-ы-ы... — дурашливо при этом зарычал.

Вера счастливо опрокинула голову, прижавшись щекой к надежному мужскому плечу.

— Ежик ты. Колючка! Почему ты такой, Леша? — шептала девушка. — И подкрадываешься, как хищный зверь...

Но хозяин жилища не отвечал... От Верки пахло свежестью только что распустившейся вербы, летним и почему-то никогда не замерзающим морем...

Вера не оставалась на всю ночь, так у них было заведено. На развитие отношений Мозгляков не шел, провожал гостью уже далеко за полночь.

— Леша, а что дальше? — спросила Вера.

— Что? — сосредоточившись на собственных мыслях, не понял Мозгляков вопроса.

— Как мы-то будем? — осмелилась уточнить девушка, но, столкнувшись с неопределенным растерянным молчанием, решив, что затеяла этот разговор в неподходящее время, неожиданно предложила:

— Давай прыгать!

— Ну, вот еще, — приобрел дар речи Мозгляков, чуть не загнанный в угол прямым вопросом, — что мы, дети?

— Да нет, не так, — Вера затеребила Алексея за рукав куртки, пытается обратить на себя более пристальное внимание. — По звездам!

— Как это? — ухмыльнувшись, уточнил Мозгляков.

— А вон, видишь, созвездие Лося? Я от звездочки, что горит у небесного Лося на том месте, где сердце, и совсем-совсем похоже на сердце, от той золотой, яркой! Сейчас как разгонюсь! Как прыгну! К другой, которая рядом с первой! К синеватой мерцающей звезде! — торопливо объяснила девушка, тут же спросив: — А ты?

Кавалер молчал, и Вера подсказала:

— А ты с другой стороны созвездия! Прыгай мне навстречу!

— Хорошо, прыгаю, — Мозгляков кивнул согласно головой, невольно поощряя спутницу на продолжение выдумок.

Рыбный делец сначала слушал вполуха, а потом и полностью погрузился в свои мысли, лишь иногда как бы оценивающе поглядывая на попутчицу:

«Эх ты, Верка — сочинялка, фантазерка! Вся на виду Верка, простая, доступная, открытая. Легкая на подъем Верка, даже суетливая, минуты спокойно не посидит, везде пытается поспеть, всем угодить, не гнушается никаким делом. Хоть и работает помощником повара в местной столовой, но вообще-то смышленная девчонка. Верке бы должное образование получить, приодеть ее, намарафетить, обучить этикету. Вот тогда Верка была бы еще той фифой! Смотришь, взметнулась бы в выси! В рыбацком поселке бы о ней только вспоминали и гордились. На крайний случай заведовала бы садиком или клубом, а то и вела бы бухгалтерию какой-нибудь промысловой артели...»

Мозглякова тянуло к иным женщинам: манерным, вальяжным, таким капризным цацам, которых нужно было завоевывать, у которых глаза зажигались на деньги, на подарки. Во Владике у него была подружка, а в перспективе и жена — Софочка, и сейчас, провожая одну женщину, заезжий джентльмен не видел для себя ничего зазорного вспомнить о другой:

«Софочка вся из себя, из другого цивилизованного мира, загляденье — ку-

колка, холная, ладная, будто точеная из драгоценного камня, с ноготками, с бровками, с макияжем — перышко к перышку! Гагара не кулик — птица со значением! Софочка — эстет, культуролог в краевом музее, может себя преподнести, она знает себе цену. Чувства для Софочки — это хорошо, но к чувствам, она считает, нужно и приложение».

Мозгляков навесил на Софочку бирюлек из ювелирного магазина, вывозил ее в Таиланд, в Египет, в грядущий летний сезон обещал вояж по Европам. Софочка — это та планка, какую он собирался брать, взяв верный разбег.

По мнению Мозглякова, Верка во всех отношениях проигрывала Софочке. «Нужно, наконец, заканчивать с Севером, с Веркой... — к таким выводам-заклЮчениям пришел Мозгляков, размышлял об этом и сейчас, но пока тянул-откладывал с прощальным словом, где-то даже и совестился, перебирая варианты, как же его начать, этот разговор: «Ты, Верка, конечно, очень хорошая и все такое, но сердцу не прикажешь, в общем: большому кораблю большое плавание» — или как-то иначе...

— А теперь твоя очередь! — вмешалась Вера в раздумья Мозглякова.

— Все, отпрыгались. Вон и жилье твое уже. До завтра, — попрощался кавалер.

Девушка чмокнула Алексея в губы, побежала к дому, радостная и счастливая.

Сон долго не шел к Мозглякову. Нагрянули какие-то противоречивые мысли, воспоминания, отвергнув логику, смешались в сумбурную колобродину:

«...Первый год местные хотели подмять под себя. Но не туда сунулись. Кровь кипела, хотелось схлестнуться с противником, мотнуть одного, другого. Мог бы повоевать, не робкого десятка. Но вовремя включил мозги. Сражения могли принять затяжной характер. Позвонил кому нужно. И все — приструнили местных ребят...

Набрал свою команду. Отладил механизм рыбодобычи, а если точнее, лишь звено в торгово-промысловом обороте осетровых. Инспектора нас не замечают или, вернее, делают вид: у них свои установки и разрядки, свои маршруты. Наши интересы не пересекаются...

Можно было заниматься лишь организацией процесса, но азартная эта рыбалка, да и удовольствие: иной раз впрячься с рабочими своей артели на равных, ставить оханы, тягать рыбу... Тому, кто придет на смену, особо ворочать мозгами будет не нужно, лишь продолжить дело...

Много каких испробовал за последние годы местных деликатесов. Даже на очень высоких приемах подают дальневосточные балычок из осетрины и черную икру. Только чаще закатывают добытjю на Дальнем Востоке икру в баночки с другими этикетками, выдают за каспийский, а то и американский продукт. Но все без обмана, местный товар не хуже всякого заграничного, а то и лучше...

Нет, не скоро еще изживут браконьерство. И что думали, когда мудрили с этими запретными законами? Надо было людей сперва переселять, а потом принимать решение о запрете рыбалки. Народ должен же что-то есть, как-то выживать. А то получается: живи как хочешь, хоть с голоду помирай, но на рыбу и смотреть не смей. Осетровых не тронь, да и на лососевых большие ограничения...

А лучше бы существовал легально совхоз или другое рыболовецкое предприятие. Рыбзаводик бы при нем соорудить для развода калуги и осетра. И развивался бы, процветал поселок. Нет, не можем мы хозяйство-

вать. Все порушили. А ком как катился, так и катится, как добывали осетровых, так и добывают. Только принял оборот рыбы криминальный характер. И народ трудится не на государство, не на себя, а на дядю, на заезжих дельцов-торгашей...

И все ссылаются на законы. А ведь забыли, что самые первые законы люди придумали, чтобы жизнь по правде устроить. А теперь, где искать эту правду? Куда она спряталась от законов, куда убежала правда? И почитают эти бездушные буковки на казенной бумаге больше, чем саму правду! Какое дело ни начнешь, так обязательно против какого-нибудь закона, обязательно что-нибудь да нарушишь. Не хочешь получить по шапке — не высовывайся...

Получается, никому она не нужна, рыба. Так, только выпускают пар липовые защитники и правдорубы, прикрываются громкими словами. Да и сама правда тоже никому не нужна. Заговорили правду. В правду, может, только Верка и верит. Никто за нее не сражается, за эту правду. Разве только вот сама калуга, открыто, по-честному...

Бородавчатая, кольчужистая, узкорылая, похожая на сказочную, выплывает хрящеватая рыбаина, будто из других ветхозаветных времен, из другого, не порушенного варягами, царства. Больше нигде, как на Амуре, нет такой рыбы. Попадаются махины, будь здоров, до тонны весом. При усилье разнокалиберных сетей и отточенных крюков в местных водах умудряется как-то выживать калуга...» Сон наконец сморил Мозглякова.

Калуга в зиму предпочитала держаться южного фарватера Амурского лимана, массово мигрировать по Татарскому проливу за мыс Хусси. Туда-то, в уловистые места пролива, еще затемно засобиралась рыбацкая бригада из поселка. Дудкин притаился с перепоя еле тепленький, с трудом, но впрягся в общие хлопоты. Мозгляков причесал артельщика «ласковыми выражениями», но ругнулся больше для порядка. Ценил бригадир Дудкина: «Пьяница-то он — пьяница, но об угол головой не ударился!»

Спрятана была у Толяна в соображалке какая-то штуковина, действующая лучше любого импортного навигатора. В некоторых случаях Дудкин был попросту незаменим: безошибочно определял место постановки сети, находил избушки, спрятанные в тайге, прочно столбил места в памяти, где ему хоть единожды приходилось бывать. Дудкинская ориентация на местности «Где-то туточки» действовала безотказно и не требовала батареек...

За флагманским «Линксом» — навороченным снегоходом канадского производства, с мягким ходом и обогревом рукояток руля, управляемым Мозгляковым, пыхтела разномастная гусенично-лыжная флотилия: считал наледи и торосы пионер советской снегоходной техники «Буран», помогающий своему хозяину Толяну растрясать похмельный синдром, еще один «Буран» более современной модели и «Ямаха», отягощенные пенами.

Прав был Толян: рыбки, действительно, поднакопилось. Почти весь короткий зимний день ушел на проверку оханов. Рыбацкая бригада, затаренная уловом под завязку, отправилась в поселок, а Мозгляков пожелал задержаться. Заблажилось рыбному воротиле побыть в одиночестве, поговорить с Севером, может, и в последний раз, попрощаться...

На закате снег терял свою яркость, становился пепельно-золотистым, постепенно крепчал мороз. Все круче сгущалось-запекалось малиновое

зареву на западе, своими очертаниями напоминая какого-то причудливого многоглавого дракона.

Восхищаясь природными картинами, в то же время Мозгляков окончательно утверждался в своих суждениях: «Если дружить с головой, то по силам любая задача! Правильно направив ход дел, получится везде развернуться, если захотеть, можно даже взять дань с Севера! Как бы ни был силен Север, как бы ни завораживал своей силой и красотой, человек сильнее! Ты проиграл, Север! У тебя нет защитников! Ящеры и драконы на горизонте — пугала для детишек и суеверов! Они лишь призраки нереальных существ!»

От переполнявших его чувств, осознания своего совершенства, утверждая свою значимость в этом мире, а где-то просто куражась и дурачась, раскинув руки в стороны, Мозгляков закричал:

— Эге-е-е-й!.. Эге-ге-ге-е-е-й!..

Человек смело бросил вызов воздушному дракону — загадочной игре солнца и снега, выплеснувшей на небосклон причудливое соцветие красок. Но пришелец из ископаемых времен — первобытный ящер, уже наполовину было спрятавшийся за облачное марево, будто услышав человеческий голос, выплыл из-за укрытия сизнова, засверкал вдруг бликами и сполохами по небосклону, выпустил длинные розоватые языки, которые заползали-зазмеились по проливу, принялись лизать ледяные коросты.

Вволю накричавшись-наговорившись с Севером, рыбный делец отправился к снегоходу. «Линкс» отдыхал у самой лунки, и, проходя мимо окошка в водный мир, рыбак заметил, что недавно поставленная сеть натянулась, обнаружив попавшую в нее рыбу. Разумнее было бы подождать следующей коллективной проверки оханов, но Мозглякову захотелось непременно впрячься самому, поиграть мышцами, разогнать кровь. Рыбак привязал прогон к дальнему краю охана и стал вытаскивать сеть. Снасть первоначально легко поддавалась. Рассчитывая быстро достать добычу, рыбак торопился и неосмотрительно набросил ячеи сети на лыжи снегохода.

Все произошло быстро. Рыба, казалось, сдавшаяся без боя, вдруг резко натянула сеть. Ногу рыбака перехлестнуло капроновой веревкой, дернуло ловца, и, сбив с ног, потащило к темному зеву лунки. Мозгляков попытался сопротивляться, цеплялся за лед, но лишь сорвал ногти. Снегоход сначала помогал, тормозил разгон рыбы, но, когда человек оказался в воде и пытался удержаться за край лунки, повел себя предательски: «запнувшись» о торос, встал на дыбки — взвился необъезженным конем, готовясь нанести сокрушительный удар своему хозяину. «Все, кранты!» — закрыл глаза неудачливый рыбак. Но калужина в последний момент одумалась, остановила тягу. «Канадец» с размаху шлепнулся об лед. Мозгляков засуетился, рванул наверх, но рыба не отпускала. Вспомнил: «На поясе в чехле нож». Нащупал ножны. Достал резак. Закаленная отточенная сталь легко перехватила капроновые веревки. Выполз на лед, решил: «Легко отделался! Был на волосок от гибели!..» Заставил себя подняться: «Разлеживаться некогда — хоть и на исходе, но зима все-таки! Еще наотдыхаюсь. На снегоходе до поселка максимум полчаса. Там отогреюсь». «Линкс» завелся сразу, но, отъехав сотню метров, резко встал. Гусеница разорвалась и сошла с направляющих катков — скорее всего отреагировав таким образом на последний, экстремальный удар. «Добраться до берега, наломать веток, обсушиться у костра! Бензина предостаточно. Огонь разведу по-лю-

бою!» — хотел предпринять новый вариант спасения рыбака, но, похлопав по карманам, не обнаружил ни зажигалки, ни спичек.

Мозгляков не курил, а потому как-то недальновидно не соблюдал важное таежное правило: непременно брать с собой в путешествия хотя бы спичечный коробок. До сих пор сходило с рук, а теперь...

«Кто не курит и не пьет — тот здоровеньким помрет! — издевкой мелькнула мысль. — Как же я мог попасть в такую переделку? — ругал себя рыбный делец, засуетился. — Надо идти! Торопиться! Рассчитывать только на свои ноги! Скорее...»

Мороз сначала забрался в промокшую обувь, обездвигил пальцы на ногах, потом пополз выше, постепенно сковывая все тело. Мозгляков, не теряя надежды на спасение, продолжал двигаться вперед: вдруг подберет с оказией запоздавший рыбак на снегоходе или машина из поселка Лазарев. Но пролив был пустынен. Север до поры терпел человека, то и дело бросающего ему вызов, но теперь решил проявить свой суровый нрав...

Сознание путника все больше мутилось: вспомнилась-увиделась Софочка. Она подвела посетителей картинной галереи к полотну, принадлежащему кисти неизвестного художника. Изображенная на картине принцесса была облачена в роскошные одежды, инкрустированные драгоценностями, а лицом один в один была похожа на саму Софочку. Экскурсовод вдохновенно, пуская жалостливую слезу, рассказывала о предстательнице царствующей династии известного европейского двора: «Принцесса Зосенка, признанная первая красавица королевства, руки которой добивались самые завидные женихи государства, опрометчиво сделала свой выбор, она по наивности доверилась простолыдину, который не оправдал ее надежд и даже коварно обманул... В порыве чувств бедняжка собиралась уйти в монастырь, но добрые люди уговорили ее не отказываться от мирской жизни...»

Вот проявился домик во Владике, ладненский такой коттедж, с воротами и прибамбуками, чтобы не стыдно было привести именитых гостей... Хорошо бы согреться в этом доме у камина... Хотя нет, не получится, камин больше показушный, для блезира, для куража. У такого не согреешься. Сейчас бы печь или лучше костер... большой костер... чтобы спастись — нужно целиком войти прямо в пламя...

Ноги становились ватными, каждый шаг давался с трудом, последние силы покидали путника. Он упал, пробовал ползти на одних руках... с трудом продвинулся на несколько метров, ему показалось: где-то рядом раздается голос Верки. Мозглякову удалось перевернуться на спину... Искристые и лучистые звезды спускались к самой земле... Как же там говорила раньше Верка?.. Нужно дотянуться... хотя бы до ближайшей звезды, вскарабкаться на нее и прыгать по звездам... Он вдруг явственно услышал призыв девушки: «Прыгай! Ну же, прыгай, Леша!» Мозгляков протянул руку навстречу спасительному голосу, чтобы зацепиться за звездное небо, за краешек жизни...

Вроде бы беспричинно, Верка с утра испереживалась вся. Когда рыбаки вернулись без Алексея, уже не находила себе места, не удержалась, вышла на берег, пытаясь рассмотреть на белом горизонте запаздывавший снегоход. Так и не дождавшись Мозглякова, на исходе вечера Верка запаниковала всерьез, подняла на ноги успешного остограммитесь Дудкина и, распросив все обстоятельства, при которых они расстались с боссом, настаивала на том, что нужно срочно отправиться на поиски.

Толян не артачился, в дорогу собрался быстро. Для него, тайного дыхателя Верки, ее слово — закон. В темноте Дудкин ориентировался не хуже, чем в светлое время суток, а потому «Буран» до рыбацких мест довел быстро. Обнаружив сломанный «Линкс» и обрывок охана, Толян без труда установил детали происшествия. Понимая, что шансы выжить у Мозглякова минимальные, владелец «Бурана» не стал делиться своими соображениями с девушкой и, пытаясь разгадать поведение пострадавшего, предположил:

— Нужно искать вдоль берега.

Передвигаясь зигзагами, спасатели внимательно осматривали поверхность пролива. Вскоре они заметили темнеющее пятно на льду. Могляков что-то мычал нечленораздельное, еле шевелил конечностями, просяще или моляще тянул руку к звездному небу. «Буран» еще около получаса добирался до поселка...

Верка два раза отпрашивалась с работы, приезжала в медучреждение, но у Алексея дела на поправку не шли. От бессонных ночей у Верки под глазами затемнелись синяки, от переживаний все из рук валится. Выпросила наконец отпуск, собрала все наличные — заначку на семейную жизнь, все до копейки — и напрямик в больничную палату сиделкой.

Напросилась к лечащему врачу на прием, сунула неумеючи пухлый конверт, затараторила:

— Что нужно, помогите! На лекарства какие, пусть самые дорогие! Если не хватит, я еще соберу...

— Жена, что ли? — прервав собеседницу, уточнил доктор.

— Я? — переспросила Верка и неожиданно для себя соврала: — Да.

Сама себе не поверила, а потому добавила для убедительности:

— Конечно.

Раскраснелась, стала находить себе оправдание: «Но как здесь сказать? Всего в двух словах не объяснить, — и принялась себя накручивать: — Да, может, я и не соврала вовсе. Это, смотря какая еще жена, так я, может, еще и больше, чем жена...»

Но доктор не заметил терзаний души посетительницы — только что после операции, устал хирург, непростая выдалась смена, ему сегодня не до хитросплетений психологии, и рубанул врач все как есть, без утайки, объявившемуся родственнику больного:

— Грозит ампутация. Краснота поползла. Если не отступит, не оставим — будем отнимать! — помолчал врач, размял пальцы рук, похрустел костяшками суставов. — Переломный момент у твоего мужа. Надо бы помочь организму. А он сник, пасует, ленится, надо массажировать, попробовать восстановить ткани. Есть шанс, надо бы уцепиться за него. Одно дело из морозной кутерьмы выбраться, а другое — из потемок души. Так что или впрячься сейчас, попытаться что-то сделать, или нянькаться тебе с инвалидом всю жизнь.

— А это, — хирург кивнул на пакетик, — убери. — Недовольно взглянул на посетительницу, которая не торопилась забирать деньги и, дождавшись, когда стол опустеет от подношений, пояснил: — Все лекарства, какие нужно, есть...

— Я прошу тебя, Леша, пожалуйста, потерпи! — Вера успокаивала взрослого мужика, как ясельного воспитанника-недотепу, разнюнившегося, разобидевшегося на весь белый свет. — Надо бороться. Врач сказал — ничего страшного...

— Не ври мне! — истерил Мозгляков. — Лучше бы я тогда, разом. Отмучился, и все...

Больной крыл сиделку последними словами, дрыгал обмороженными ходулями, барахтался — лягался. Верка на Севере ко всему привычная: и с лопатой управляться, и с топором, может и санитаркой с инвалидной посудой. Ойкнет Верка, потрет очередной ушиб-синяк на руках, оставленный буйным больным, и вновь приставучкой-прилипалкой принимается за массаж...

Отшелушилась, отслоилась поврежденная кожа, сползли ногти на ногах у больного...

— Скажи спасибо супруге, что ноги по колени не оттяпали. Счастливчик ты! А коготки — ерунда, нарастут, — довольный исходом дела, напутствовал пациента врач...

Провожая прихрамывавшего кавалера напрямиком из больничных палат на самолет, Верка вручила ему все скопленные деньги:

— Леш, тебе нужней, может, на курорт какой отправят, подлечишься.

Мозгляков отнекивался, но как-то неубедительно. Девушка проявила настойчивость, сунула в его дорожную сумку конверт, от которого откасался доктор.

— Мы еще попрыгаем? — заискивающе спросила Верка. — Правда?

— Тогда я и впрямь заскакал... — признался Мозгляков, вспомнив непростую дорогу по торосам, среди застывших глыб, в обледенелой обуви. Признался и осекся.

— По звездам? — подхватила девушка, пытаясь подбодрить Алексея, сама же за него ответила: — Ты тоже можешь прыгать по звездам! Надо с легким сердцем... Если захочешь...

Она успокаивала Мозглякова и в то же время чувствовала интуитивно, тонко, по-женски, что все кувырком, все рушится. Оказалась хрупкой, как-то мигом развалилась ее пирамидка к семейному счастью, какую она все эти годы пыталась построить, а избранник все больше отдалялся от нее.

Недавний пациент больницы ориентировался только на свой ход мыслей.

— А зачем ты это, — он с трудом подбирал слова, — э-э-э... возилась со мной?

«Неужели он не понимает, не чувствует, но тогда это, возможно, последний шанс повернуть все, как нужно, правильно... — мысли вихрями носились, то били в темечко, то ранили в сердце. Верка набралась решимости и, будто молодая птица, отправившаяся в свой первый полет с высоченной скалы, аж зашумело в ушах, разом выдохнула:

— Люблю тебя, Леша!

Разоткровенничалась, как может девушка лишь раз в жизни, излила душу, сказала эти редкие слова, но так сильно переживала, что получила только невнятный шепот, только шевеление губ. Верка раскраснелась от признания, но нашла смелости, посмотрела на своего избранника. У кавалера не дрогнул на лице ни один мускул, он не увидел, не услышал ее признания.

— Хорошая ты девчонка, Верка, — зародились и у Мозглякова благодарные чувства.

— А почему? — сразу подхватила девушка, тайно надеясь: «Вдруг все-таки расслышал? Но мужской характер не позволяет просто обнять,

прижать к себе, сказать ответные слова. Леша добрый, важничает порой только без меры».

Верка ожидала ласковых слов, ловила встречный взгляд, преданной дворняжкой семеняла подле, только пригладь разок — и она навсегда твоя, всю жизнь будет служить верой и правдой. Она же Верка!

Он так и не понял, почему раньше так привлекателен был для него Север и сейчас рассуждал: «Романтика? Но возраст — к тридцатнику, с романтикой пора завязывать и становиться взрослым. Дармовые быстрые деньги? Но ценой здоровья, жизни? Север не шутка, с ним не поиграешь. Пора остановиться. Я не стал здесь своим. Я не победил, а проиграл».

Мозгляков действовал по давно распisanному сценарию. Для Верки места в нем не было. Гость с юга пытался, но так и не набрался смелости, чтобы сказать последние прощальные слова девушке.

— До осени? — с затаенной надеждой спросила Вера.

Он, делая над собой усилие, лишь неловко приобнял ее, забыл против обычая поцеловать. Верка чувствовала, что от Мозглякова веяло холодком, предательским, обманчивым. Алексей сейчас был словно чужой, посторонний, как гладкий, скользкий морж, что перекусил рыбешки, передохнет на льдине и через мгновение соскользнет в свободное плавание к неведомым берегам. И сколько девушка ни искала, не было для нее здесь зацепок и пристежек.

Дул северный бриз. Капризный, сумасбродный. Утром — на материк, вечером — на море. Верка много их встречала и пережидала, непостоянных, промозглых, обманчивых, кратковременных и затяжных — морских ветров. Вот пройдет время, Верка поймет, что любовь этого заезжего ковбоя к ней держалась не крепче еловой шишки на дереве и не дольше весенней сосульки. Просто она все дорисовала в нем до нужного образа, чтобы тот соответствовал ее бескрайним чувствам. Ничего... обязательно будут рассыпаться, стираться ее чувства, не сейчас, не сразу... с годами. Не зарубцуются все, как будто ничего и не было — у таких, как Верка, никогда не рубцуются. Останется саднящая кровоточащая ранка... Но все равно — Верка сильная! Верка выдержала много северных бризов! Выдержит и этот. А сейчас девушке казалось: бесконечные ветры отняли у нее все без остатка, выдули из нее все до самого донышка, до звенящей пустоты, и вот-вот сильный порыв морянки подхватит ее и помчит, как легкое безвольное облачко. И Верка не возражала, пусть мчит, пусть несет это облачко, только туда бы, за бездушной крылатой железной птицей. Верка ничего не соображала, растерянно, до боли — до рези в глазах, всматривалась в небо, за гребень сопок, за облачную дымку, где скрылся редкий в северных местах самолет.

Может, не тот выбор сделала амурская мечтательница, смотрела все на небо да на звезды, а надо было бы по сторонам... Слепленная высокими чувствами, не замечала девушка других пылающих и обращенных к ней глаз, даже не подозревала, что испереживался-издергался из-за нее в последние дни односельчанин Толян Дудкин; готов был предугадать любое ее желание, пылинки сдувать. Имел Толян виды на Веру и самые серьезные намерения, вот если бы только девушка дала согласие. Упорно желая выправить курс собственной жизни и точно зная ее магнитный полюс, нынче трезвый, как стеклышко, волнуясь за Веру: «Как бы чего не наделала бы, не сглупила бы...», мчал вездеход к аэропорту Толян. И морской бриз, забыв о собственной своенравности, помогая амурскому рыбаку, что есть силы дул в попутном направлении.